

18+

**СЕРГЕЙ
ТАРАСОВ**

**ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
МИФЫ И СКАЗКИ**

Сергей Евгеньевич Тарасов

Фантастические мифы и сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71730487

ISBN 9785006556744

Аннотация

В этом сборнике собраны рассказы исключительно про волшебные вещи, которые я делал сам, и с которыми я встречался на протяжении долгого времени. Также описаны потрясающие встречи с героями волшебных сказок и нечистой силой. Не со всеми, конечно, а с теми, с которыми у меня сложились добрые отношения. Часть рассказов опубликована в книге «Развлекательные фантастические истории».

Содержание

Виновники мороза	5
Арка	10
Водяной	18
Волшебная рубашка	28
Волшебные прививки	34
Гном	40
Дворянский пруд	46
Деревенский алхимик	52
Джинн	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Фантастические мифы и сказки

Сергей Евгеньевич Тарасов

Редактор Сергей Евгеньевич Тарасов

Иллюстратор Сергей Евгеньевич Тарасов

Дизайнер обложки Сергей Евгеньевич Тарасов

Корректор Сергей Евгеньевич Тарасов

Фотограф Сергей Евгеньевич Тарасов

Составитель Сергей Евгеньевич Тарасов

© Сергей Евгеньевич Тарасов, 2025

© Сергей Евгеньевич Тарасов, иллюстрации, 2025

© Сергей Евгеньевич Тарасов, дизайн обложки, 2025

© Сергей Евгеньевич Тарасов, фотографии, 2025

© Сергей Евгеньевич Тарасов, составитель, 2025

ISBN 978-5-0065-5674-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виновники мороза

Я проснулся в своей постели от неприятного ощущения: несмотря на свое толстое ватное одеяло и то, что я спал в пижаме, мне было как-то неуютно, и я когда попытался выяснить, в чем дело, пришел к выводу, что я просто замерз. Батареи были горячие, но в спальне было довольно прохладно. Я мигом помчался на кухню и отодвинул портьеру, чтобы посмотреть на уличный термометр. На нем не было обычной красной полоски и мне пришлось проснуться совсем и включить свет. Только после этого я обнаружил остаток красной капли в самом низу термометра. Это было невероятно: – судя по всему, на улице был сильный мороз, ниже тридцати градусов.

Не теряя ни минуты, я вытащил масляный обогреватель и потащил его в свою спальню. Там я его включил и проследил, чтобы он не устроил мне пустыню Сахару, вместо Северного полюса. Пока он стряхивал с себя остатки сна и приходил в рабочее состояние, я спустился в подвал, где подверг газовый котел тщательному контролю. Он был в порядке, и я присев с сигаретой на диван, осознал, что виной прохлады в моей спальне послужил мороз на улице.

Потом, когда я вернулся к своей несравненной кровати, и, убедившись, что обогреватель находится вдали от моего любимого одеяла и греет, я улегся в постель и сладко

уснул. Проснулся я от жары: – в комнате было, как минимум двадцать пять градусов, а это для меня было многовато. В остальных комнатах дома по-прежнему было прохладно, – не больше двадцати градусов.

За окном было уже светло: – морозный рассвет разбудил воробьев и синиц, и они слетелись на свой утренний завтрак. У меня тоже проснулся аппетит, и я поставил на газовую плиту чайник, а в микроволновку миску с кашей. Теперь осталось только умыться, сделать зарядку и приступить к завтраку. За завтраком я без отрыва от миски с кашей раздумывал, что такая за напасть свалилась на мою голову – такой сильный мороз я вспомнил только лет сорок тому назад, и больше такого в моей жизни не случилось.

Единственное объяснение такому сильному морозу пришел ко мне моментально – или это происки деда Мороза, или начался ледовый период, – происки злобный пришелец с другой планеты, где комнатная температура была сто восемьдесят градуса со знаком минус. Я в своей жизни сталкивался с такой температурой и могу ответственно заявить, что жить при таком минусе просто невозможно: – никакое одеяло не могло спасти от такого мороза, а согреть мне завтрак и согреть чай не может ни одна домашняя хозяйка.

Единственной породой людей, которые могли себя накормить и согреть при таких экстремальных температурах, это были геологи. К моему счастью, я как раз был из такого неубиваемого племени. Я мог жить и работать при темпе-

ратуре плюс пятьдесят и минус пятьдесят. Но это осталось в молодости, и сейчас я мог комфортно жить только в более мягких условиях. Так или иначе, мне очень хотелось эти комфортные условия вернуть, а для этого мне надо было выяснить, в чем, собственно дело: – кто в этом виноват, и что необходимо сделать, чтобы температура вновь стала комфортной, – до этого необъяснимого скачка в минус.

Чтобы сразу исключить из списка подозреваемых пришельцев, надо было найти в лесу нашего Деда Мороза и с пристрастием его допросить – что же ты, собака, делаешь, вместе со своей Снегурочкой.

Лес был рядом и чтобы разыскать этого Деда Мороза, мне надо было как можно теплей одеться и найти на сеновале свои широкие лыжи. Когда я все сделал, я согрелся, и можно было отправиться на поиски. В валенках, в ватных штанах, в двух свитерах из овечьей и верблюжьей шерсти, в полушубке, шапке-ушанке и в меховых рукавицах я вновь почувствовал себя крестьянином из позапрошлого века. А когда еще заткнул за пояс топор, вдобавок к огромному охотничьему ножу и встал на лыжи, то стал походить на разбойника с большой дороги, который грабил все подводы с золотом и мукой, проезжающие мимо.

В таком грозном виде я заехал в лес и сразу закричал «Бойся, Дед Мороз! И Снегурочка тоже...»

Однако в лесу было теплей, чем я ожидал, и довольно красиво: снеговые шапки на деревьях, высокие сугробы и мно-

жество следов зайцев, лис и мышей. По лесной, усыпанной снегом дороге я прошел до излюбленного места всякой разной нечистой силы, – там была поляна с колодцем мертвой и живой воды, прудом с лягушками и русалками, а на ветвях громадных берез сидели совы, филины и огромные вороны.

Летом здесь любители тихой охоты пили на скамейках пиво, а по вечерам шастали призраки и привидения. В общем, только здесь можно было встретить чертей, бабу Ягу и прочих персонажей русских народных правдивых историй. Сейчас на скамейке сидела шайка дедов в красных шубах со стаканами, между ними вертелись официантки в голубых мини шубках, а на парковке стояло несколько десятков мерседесов.

Я воткнул свои лыжи, отороченные лисьим мехом, в глубокий сугроб и подошел поближе к этой честной компании. Один из Дедов Морозов тут же налил мне полный стакан водки и протянул на вилке большой груздь. Я не стал отказываться: – выпил, закусил и перешел к цели моего визита: – объяснил всей банде, чтобы они сделали теплее на пару десятков градусов, или сваливали на Колыму, вместе со своими Снегурочками.

Дедам Морозам не понравилась моя краткая речь, и один из них, наиболее наглый и самоуверенный, поднялся и подошел ко мне поближе. Но я распахнул свой полушубок и показал ему свой нож. Он сразу же сел обратно и замахнул полный граненый стакан с водкой. Больше ни один из Дедов

не встал, а Снегурочки попрятались в мерседесах и ждали окончания разборки в тепле.

Консенсус был достигнут уже через несколько минут: – все Морозы отказались ехать в Сибирь, а пообещали снизить морозы до минимума – градусов до пяти. Тут же они дружно поднялись, помахали своими длинными палками, и воткнули их в сугробы. Пить я больше с ними не стал, но пообещал, что если опять начнутся морозы, то я приду на встречу со спецназом, и тогда им придется выбирать – Колыма, или камера в сизо.

Обратно я шел по своей лыжне и напевал новогодние песни.

Проснулся я уже совсем, когда в комнату ко мне заглянул солнечный зайчик. В комнате было прохладно, но выше двадцати. Духота, после которой я проснулся, исчезла, и мне было хорошо под своим ватным одеялом.

Я вспомнил сон, который мне приснился и встал, чтобы узнать температуру на улице. Термометр мне показывал пять градусов мороза, и это была самая хорошая новость в этот день: – морозы закончились, и начиналась весна.

Арка

В последние годы я слышал доносящие с первого этажа странные звуки, – словно там работала бригада проходчиков или горнорабочих: – иногда там падал увесистый камень, иногда несколько, но когда я спускался, звуки прекращались, и все было тихо. На первом этаже была баня, которую сделали мой отец и дед при строительстве дома, и раньше оттуда никаких звуков слышно не было.

Стены бани были покрыты пластиком, который я иногда чистил и красил. По идее одна стена должна быть фундаментом дома, за которой когда-то был птичник: – с курами и петухами. Вход туда был со стороны двора, но с тех пор прошло немало лет, все неоднократно перестраивалось, птичник был засыпан, а двор был зацементирован. На первом этаже я иногда курил: – зимой, когда на улице было холодно, а в прошлом году услышал звуки земляных работ, раздающих из бани.

Я немедленно поднялся, открыл дверь в баню и ужаснулся: – пластик, который закрывал фундамент дома, отошел от стены на полметра и был готов рухнуть. С этого вечера у меня постоянно болела голова, – у меня, как раз под кухней разрушается фундамент, и скоро я буду обедать, завтракать и ужинать на улице: – зимой. Мне надо было срочно разобраться с пластиком, с фундаментом, и однажды вече-

ром я взялся за дело: – отодрал кусок пластика и посмотрел на фундамент.

Когда-то он был заштукатурен, но сейчас штукатурка отстала, часть ее высыпалась вниз, а та часть, которая держалась, тоже была готова упасть. На дворе был собачий холод, и штукатурить было поздно: – надо было дожидаться весны, когда отсев на улице растает, и тогда можно было привести стену в порядок. Я притащил два бруска и забил их под стену, как раз под этим пузырем штукатурки. Чтобы, не дай Бог, бруски не сдвинулись, я забил под них клинья, и все стало нормально, – на время.

Зима прошла незаметно: – я играл на баяне, гитаре, читал книги, смотрел телевизор и занимался разными домашними делами. В конце февраля стало пригревать, и появились первые сосульки. В общем, зима кончалась, и уже в марте, когда отсев растаял, я решил покончить с баней:– мне надо было отодрать со всей стены пластик, заштукатурить заново фундамент и закрыть штукатурку пластиком.

Когда я морально и физически подготовился к такой грязной работе, немедленно к ней приступил: – снял лист пластика, и выгреб из-под него остатки старой штукатурки. В самом основании фундамента оказалась небольшая арка, вход в которую была выложен кирпичами. Она было высотой около метра в высоту и около метра в ширину. Это мне сразу напомнило старые подземные ходы в средневековых замках, и я решил посмотреть, куда ведет эта арка, – не зря же она

была сделана очень давно: – около ста лет назад.

Она была забита землей, но уже я был в таком настроении, что лишняя грязь была мне ни о чем, и взялся за дело: взял мастерок и начал чистить вход под эту арку. Мне уже не мешала грязь, но разводить грязь в бане я не хотел, потому что мне надо было иногда подниматься по лестнице на второй этаж, а если я буду шастать туда-сюда, то мне потом придется чистить не только баню и первый этаж, но и весь дом. Это мне не нравилось, и я не стал разводить грязь, а аккуратно стал складывать ее в большие ведра. Когда все ведра были заполнены, а вход под арку был от грязи очищен, настало время засунуть туда свой нос, и узнать, куда ведет этот подземный ход, и для чего он был нужен.

У меня для этой цели был приготовлен налобный фонарь, и я осветил им под арку. Подземный ход, который начинался под аркой, был довольно тесный, но дальше он становился более высоким и просторным, так что мне пришлось только первые метры преодолеть по-пластунски. Дальше я мог подняться на колени и двигаться вперед на четвереньках. Развернуться и повернуть назад я уже не мог – было тесно, и я это понял, когда влез целиком в этот подземный ход.

Я двигался на четвереньках и думал о разных приятных для меня вещах, – в самом конце этого подземного хода была, наверное, огромная комната с большими сундуками, заполненными доверху золотом и драгоценными камнями. Кроме этих приятных мыслей меня занимали думы о том,

кто же построил этот ход и зачем. Кроме того меня посещали не очень хорошие мысли: – если он обрушиться, то мне каюк.

Через несколько метров он действительно закончился, но не большой комнатой с сундуками, а дверью, окованной железными полосками. Она, к счастью для меня, была не заперта, и я ее открыл.

За дверью оказался большой тоннель, по которому были проложены железнодорожные рельсы, и я сел на земляной пол и закурил, стараясь осознать, что за тоннель я обнаружил и почему он здесь находится. Пока я курил и думал, раздался шум колес, и я едва успел отодвинуться: – мимо меня прогрохотал поезд с ярко освещенными вагонами, в которых стоял и сидел какой-то народ. Я в изумлении посмотрел ему вслед и закурил новую сигарету. Это было невероятно...

Пока я курил, мимо меня проехало еще два поезда, и последний ехал достаточно медленно, – так, что я успел рассмотреть его пассажиров: – это не были люди, а какие-то существа, похожие на мышей, или на крыс. Но они одеты были довольно прилично: – кто в платье, кто в джинсах, а кто в костюме. Некоторые из них держали в руках книги, газеты, а кто-то звонил по телефону. Единственно, что меня поразило, кроме их одежды, телефонов и книг, это то, что они были меньше нормальных людей.

Кроме здравомыслия, у меня еще было любопытство, и оно заставило меня выяснить, куда это едут эти существа

и зачем. Я оставил у двери метку и посмотрел, сколько пространства остается между составом и стенками тоннеля. Было немного, но в стенках тоннеля были специальные ниши, – наверное, для путевых обходчиков. Такие были во всех тоннелях и у нас, – я сталкивался с ними, когда ездил в метро и на поездах. Я выяснил интервал движения поездов, и когда один проехал мимо меня, двинулся по шпалам вперед. У меня было минут семь, чтобы добраться до станции этого метро, или спрятаться в нише, чтобы пропустить очередной поезд.

Идти оказалось недалеко, – уже через пару сотен метров впереди показался свет и я увидел перрон. На нем никого не было, и я прошел в его конец, по пути читая рекламу и всякие вывески. Остановка называлась «Подземный Сыр», – это было подходящее название для здешнего народа. В конце перрона я нашел лестницу, которая вела куда-то вверх, схему движения поездов и остановился, чтобы узнать, куда же я все-таки попал, и куда можно было уехать с этого перрона.

Лестница, судя по надписи, вела в город Мышинск, а схема была настолько интересной, что я остановился около нее и стал читать указанные на ней остановки. Их было очень много, и среди знакомых названий я увидел Самару, Москву, Ленинград, Париж и много остальных европейских городов. Но Европой схема не ограничилась: – на ней были американские, канадские города и города Южной Америки.

Я сел на скамейку и начал размышлять над увиденным: – судя по всему, эта подземная дорога была проложена под всеми нашими континентами и по ней можно было попасть в любой город Земли. Пока я думал, около меня остановился поезд, из него вышло несколько пассажиров, и направились кто куда: – одни полезли вверх по лестнице, другие нырнули в тоннель за поездом, а один остался и подошел к окошечку, которого я сначала не заметил. Там находился служащий этой подземной дороги. Пассажир подошел к этому окошку и начал что-то выяснять, а потом спустился на рельсы и пошлепал по тоннелю.

Сгорая от любопытства, я подошел к окошку и приготовил несколько вопросов, на которые хотел получить ответ: – кто построил эту дорогу, сколько стоит билет, и могу ли я, к примеру, добраться до Москвы, и сколько времени займет у меня поездка. Это был не полный перечень вопросов, на которые я хотел получить ответ, но эти волновали меня в первую очередь.

За компьютером в этом окошке сидела симпатичная мышка, и улыбнулась мне, когда я сунул туда свою запачканную физиономию. Несмотря на то, что она имела мышиную мордочку, одета она была в фирменный китель и в фуражку: – она была на службе.

Я начал с самого простого вопроса, – какой сыр она считает самым вкусным, а потом выпалил, кто имеет право проехать по этой дороге, как мне добраться до Парижа и сколько

времени на это у меня уйдет.

Ответы я получил на все свои вопросы и узнал, какой, с ее точки зрения, самый вкусный сыр, а также я тоже могу проехать по этой дороге, и она для всех бесплатная. Ее начали строить несколько столетий тому назад, и сейчас по ней можно проехать практически в любой город, – за полчаса, потому что используется метод сыра – литосфера планеты прямо изрыта тоннелями и междугородные поезда используют реактивную тягу, чтобы быстрее добраться до места назначения. В качестве платы используется сыр, любые деньги и неважно, сколько их.

Люди тоже используют эту сеть железных дорог по тоннелям, но их мало, так как не все знают о ее существовании, а так как мыши и крысы не говорят об этой дороге, то и пассажиры из числа посвященных людей предпочитают помалкивать, – считают, что их сочтут за лгунов. Кроме того, для людей существует техническая проблема: – некоторые составы, особенно старые, малы, и они не на всех людей рассчитаны, – и даже современные мыши и крысы испытывают с ними трудности. В последние годы стали строить более вместительные вагоны, но их еще мало.

В заключение нашего весьма содержательного разговора эта симпатичная мышка в униформе подарила мне схему, на которой она отметила все тоннели, которыми мне было удобно пользоваться, – из-за моего роста. Я сказал ей спасибо, отошел, сел на скамейку и стал изучать эту схему с горо-

дами, куда мне можно попасть за каких-то полчаса. А потом пошел по своим следам обратно: — мне не терпелось помыться, поесть и направиться в путешествие по этой удивительной мышинной подземной дороге.

Водяной

С водяным мне пришлось иметь дело в раннем детстве, когда чуть не утонул в бочке с водой, которая стояла в огороде. Лично я этого эпизода своей жизни не помню – я был еще мал, мне не было еще пяти лет. Мама мне рассказала, что я перегнулся через край бочки, наверное, хотел поплескаться и нырнул. Меня вытащила тетя Шура, которая была неподалеку. Когда она меня вытаскивала, кто-то ей помогал достать меня из бочки, – это, как я сейчас понял, был водяной, который тогда не дал мне утонуть. После того, как мне исполнилось пять лет, я помню все сколь-нибудь значительные события в своей жизни.

Рядом с пионерским лагерем, куда меня отправляли родители каждое лето, было большое озеро. Наш отряд каждый день купался в таком загоне, который назывался купальней. Там было мелко, по мосткам ходили вожатые, которые следили за каждым нашим движением. Мне было скучно в этом лягушатнике, потому что дома я купался на карьерах, которые были глубокими, – до четырех метров, и там был трамплин высотой метра два, с которого мы прыгали в воду.

В один из дней я вылез из купальни и пошел осматривать большой плот, который стоял рядом. Не знаю, зачем он был нужен остальным, но мне он был нужен для того, чтобы под ним проплыть под водой. Длина и ширина его была

метров десять. Легкие у меня тогда были маленькие, и мне на половине пути не стало хватать воздуха. Так бы я и остался бы под этим плотом, если бы кто-то не пристроился сзади и толкал меня вперед. Мне оставалось только затаить дыхание и не пытаться вдохнуть воду, – вместо воздуха. Когда до края плота осталось полметра, мой помощник и спаситель перестал меня толкать, и я проплыл эти полметра сам. Этим помощником был, наверное, водяной.

На следующее лето меня на озере заметил какой-то тренер по плаванию, и я каждое утро, в компании таких же ребят, плавал до середины озера. Озеро называлось Балтым. Он плыл сзади нашей компании на лодке и смотрел, чтобы ни у кого не случилось судорог. За себя не волновался, – у меня был личный водяной, и я ничего в этом озере не боялся. Но булавку в плавки я всегда втыкал – на всякий случай.

На первую производственную практику, которая проходила в Челябинской области, я взял ласты. В то лето я вообще не одевал штанов – всегда было тепло, а работа моя заключалась в том, чтобы отбирать пробы воды и донных осадков в озерах. Мы, – водитель ГАЗ-66, геолог и я колесили по всей области, и в каждом озере я купался, отбирал подальше от берега пробу воды. Как-то мы выбрали голосующую на дороге женщину, и она приняла сначала меня за местного, а когда она доехала до своего места, оставила мне бутылку водки.

Вечером, когда мы остановились на ночлег у берега ре-

ки, наш геолог взял спиннинг и отправился на рыбалку. Мы остались у костра вдвоем – я и водитель. Я достал бутылку водки, и мы с ним за разговором провели незабываемый вечер. Наш командир так и не понял, откуда мы взяли спиртное.

Наш палаточный лагерь стоял на границе Ильменского заповедника, у большого озера. Наш начальник был очень умным и практичным человеком. Нам нельзя было без разрешения разбивать свой лагерь в пределах заповедника. На территории дома отдыха, который примыкал к заповеднику, тоже было нельзя ставить палатки, – надо было разрешение от администрации этого дома отдыха. Начальник дал команду разбить наш лагерь на лесной просеке, которая не являлась ни заповедником, ни принадлежала дому отдыха.

Тут был рай на земле, и мне вскорегодились ласты. Каждое утро я начинал с водных процедур – брал ласты и шел на озеро. Плыл в ластах очень быстро и до тех пор, когда хватало сил, а наши палатки казались желтым пятном на фоне зеленых берез и сосен. Сначала я боялся судорог, брал с собой большую булавку, но потом, в один из первых дней, когда плыл один, уже вдали от берега, заметил рядом с собой, метрах в десяти, попутчика.

Он тоже плыл очень быстро, но далеко от меня не отдалялся. Его одинокая, серебристая фигура мелькала рядом, но я никак не мог понять, кто это. Когда я устал, перед тем,

как плыть обратно, лег на спину и полежал, отдыхая, на спине несколько минут. Серебристая фигурка пловца приблизилась ко мне, и я понял, что это не совсем человек, а скорее всего, местный водяной. Серебристый костюм его не был купальником – это была его кожа, похожая на чешую. Голова его была как у человека – с длинными волосами светлого цвета, без чешуи.

Поплавал он рядом со мной совсем недолго – просто, наверное, решил посмотреть на неизвестного пловца, которого не видел раньше в своем озере. Утолив свое любопытство, он отплыл и дождался, когда я поплыву. Мы не разговаривали – у меня не было сил на это, и я не знал, умеет ли он говорить.

Отдохнув на спине, я пустился в обратный путь – мне надо было позавтракать и приниматься за работу. Пока я плыл, меня сопровождала серебристая фигура водяного. Он пропал из моего поля зрения, когда до берега осталось метров двести.

На часах было восемь утра, все сидели за столом и завтракали. Я прошел с ластами к своей палатке, и начальник спросил у меня – « как поплавал?». Я ответил, что хорошо, но о том, что встретил водяного, не сказал ни начальнику, никому.

После завтрака мы поехали на работу – отбирать пробы воды и грунта. Посетили несколько озер, и в каждом я заплывал подальше, отбирал воду в пластиковую бутылку. День был очень жаркий, и я радовался каждому такому заплыву.

ГАЗ-66, в кузове которого я ехал, не зря звали пылесосом – он всасывал всю пыль с дороги, и она оседала на мне. Я принимал ванну в озере и сидел до следующего весь в пыли.

В лагерь мы приезжали вечером, и я далеко не плавал – бултыхался около берега, смывая дорожную пыль. Спал я после такого рабочего дня, как младенец, очень крепко. Утром, когда поплыл в ластах, история повторилась. Водяной сопровождал меня и туда и обратно, и я скоро выяснил, что он не мог говорить. Мы на середине озера объяснялись знаками, и я понял, что он хочет мне показать под водой какую-то местную примечательность. Но в это утро я не мог составить ему компанию – я мог опоздать на работу.

Спросил у него еще, как он дышит под водой и почему он так быстро плавает. Как я понял из его знаков, у него были жабры и легкие, а на вопрос, как быстро он плавает, он мне показал на примере: проплыл метров двести по поверхности, а вернулся ко мне под водой. Это выглядело очень красиво и быстро, словно большая блесна, которая движется по воде, со скоростью больше ста километра в час. Я в своих ластах выглядел просто улиткой, или черепахой. Но у него не было ласт – обычные ступни, правда, с перепонками между пальцами.

Я вернулся на берег, позавтракал и узнал, что сегодня выезда за пробами не будет. Начальник с инженером собирались отправлять пробы в лабораторию, им надо было составить каталог проб и написать сопроводительную. Работа для

меня нашлась, конечно, но я ее сделал, и после обеда, совершенно свободный, взял ласты очки для плавания и отправился на озеро. У березы, окунувшей свои ветки в прохладную воду, плавал мой водяной.

Он, по-моему, ждал меня – ему было скучно плавать одному, и он, каким-то образом узнав, что я освободился, приплыл за мной. Я, ни минуты не медля, надел ласты, повесил на шею очки и мы поплыли – я по поверхности, а он рядом, под водой. Мне интересно было наблюдать, как эта серебристая торпеда плывет подо мной на фоне травы, покрывавшей все дно озера. Казалось, что он не прилагал никаких усилий, но плыл очень быстро, тогда как я усиленно работал своими ногами.

Около острова, который возвышался над водой у противоположного берега, он вынырнул, взмахнул рукой, словно позвал меня куда-то, а затем нырнул. Меня пригласили нырнуть на дно, и я надел очки, чтобы видеть под водой. Обычно я обходился без них, – смотрел в воде как обычно, но резкости изображения мне не хватало. В очках мне было все хорошо видно, но они мне не нравились – они мне давили. Гораздо лучше было нырять в маске, но плыть на далекое расстояние с ней было неудобно.

Водяной ждал меня на дне, на глубине примерно метров пять, или немного глубже – я ощущал это по тому, как мне сдавило уши. Мне можно было три минуты находиться под водой, а потом я должен был вынырнуть, за новой порцией

воздуха. С ластами нырять, и плыть под водой, было удобней и больше времени оставалось на осмотр дна, рыб и окружающего меня подводного царства.

Мой попутчик медленно плыл впереди, иногда оборачиваясь, для того, чтобы удостовериться, что я плыву следом. Подводная обстановка сменилась – вместо ровного дна, поросшего травой, начали появляться глыбы, которые с каждым метром увеличивались в размерах. У меня в легких стал кончаться воздух, я постучал по оправе очков и стрелой понесся на поверхность. Вынырнув, я осмотрелся и стал продувать легкие – часто и глубоко дышать, чтобы больше кислорода осталось в крови и меньше углекислого газа. Такой не очень сложной дыхательной гимнастикой занимаются ловцы жемчуга, когда ныряют за ним на глубину и проводят за сбором раковин почти десять минут. Отдышавшись, я выяснил, что нахожусь в нескольких десятках метров от острова, покрытого глыбами и валунами гранита. Неужели такая большая глубина около самого берега? Невероятно.

Хорошо быть водяным – иметь жабры и дышать под водой. С этой мыслью я нырнул на дно и увидел, что мой попутчик ждал меня около открытого люка, который находился прямо в огромном валуне, а у него в руках был небольшой баллон с ремнем со шлангом и загубник. Он протянул мне баллончик с загубником и я, закрепив его на поясе, вдохнул через загубник воздух. Сразу мне стало хорошо – не надо было заботиться о том, что я еще под водой. Водяной всплыл че-

рез открытый люк в небольшой туннель и махнул мне, предлагая последовать за ним.

Тоннель был из гранита и просторный – диаметром метра два. Я проплыл в сумраке по нему метров сорок и очутился в просторной пещере, которая была наполовину затоплена водой, а посередине в ней стояла самая настоящая летающая тарелка, которую можно было увидеть по фантастическим фильмам. Но они были в кино, а передо мною стояла самая настоящая летающая тарелка. Она была небольшая – метров десять диаметром, и из иллюминаторов ее лился мягкий, зеленоватый свет. Люк ее открылся, мой попутчик медленно вплыл внутрь. Я не стал дожидаться приглашения и последовал за ним.

Когда уже был внутри, люк за мной закрылся, уровень воды на глазах стал понижаться, и через несколько секунд ее совсем не стало. Я стоял в ластах посередине летающей тарелки, а вдоль борта находились пульт управления и несколько кресел. Водяной сидел в одном из них и улыбался. Лицо его было как у молодого обычного русского парня, с длинными вьющими светлыми волосами.

Я снял ласты, очки и опустился на соседнее кресло. Он вытащил из-под пульта управления два небольших обруча, один одел на свою голову, а второй протянул мне. Я одел его и первое слово, которое услышал от него, было «Привет», а потом мы стали знакомиться, общаться, и я узнал много нового. Планета, с которой он прилетел в отпуск, находилась

очень далеко от нашей Земли, – в десятках тысяч световых лет, и почти вся она была покрыта водой. Обитатели этой планеты давно опередили нас в развитии и посетили много планет, но лишь на нашей Земле были комфортные для отдыха условия – вода и воздух, и они прилетали к нам, чтобы отдохнуть. Про нашу цивилизацию они знали достаточно много, но не мешали нам жить и не вмешивались в наши дела и конфликты.

Потом он мне предложил посмотреть на нашу планету из космического пространства, сказал при этом, что это займет немного времени, а полет этого космического аппарата останется для всех окружающих незаметным. Я сразу согласился, и уставился сначала на пульт, к которому повернулся, а потом в большой иллюминатор. Этот отпускик-водяной нажал несколько тумблеров, и в иллюминатор было видно, что озеро уменьшается, а на смену облакам пришло черное, с многочисленными звездами пространство.

Наша планета выглядела из космоса очень красиво – голубоватого цвета океаны, среди которых находились знакомые мне по картам материки. Облетев несколько раз вокруг моей планеты, тарелка круто спикировала и через несколько секунд очутилась на своей стоянке в пещере под островом. У меня было много вопросов к инопланетянину, и я собрался ему все задать и получить на них ответы, но не сегодня – был уже вечер, меня могли потерять и я должен плыть в лагерь. Мы проплыли через тоннель, а потом через озеро и я

попрощался с этим водяным – до завтра.

В нашем палаточном лагере все было тихо. Я прошел к кухне, поел немного, побрякал кружкой, когда наливал чай, и когда на мое звяканье зашел начальник, я сказал, что все нормально, просто очень проголодался после купания. Он ушел, а потом и я, – у меня было столько новых, невероятных впечатлений, и я думал о них, пока лежал в своем теплом спальном мешке.

Я проснулся рано утром. Все, что со мной произошло накануне, наверное, было просто чудесным сном, после июльского зноя и бесконечной езды в пыльном кузове ГАЗ-66. Я потянулся, вылез из спального мешка и отправился на кухню – попить холодного чая перед утренним заплывом по глади теплого и большого озера.

Волшебная рубашка

Платяной шкаф, стоящий в комнате для гостей, достался мне от родителей. Как писали Ильф и Петров, секрет изготовления такой мебели уже утерян, и сейчас мебель делают из древесно-стружечных плит. Этот родительский шкаф для одежды и сейчас стоит в комнате, – довольно вместительный и лёгкий. В нем хранятся простыни, пододеяльники, куртки и рубашки. Когда недавно туда заглянул, чтобы повесить дубленку, мне на глаза попало женское платье, которое я ни разу до этого момента не видел никогда. Я живу один, гости ко мне приходят очень редко, и никто из них не мог принести это платье. Оно печально висело на плечиках рядом с моими сорочками и скучало. В прошлом году я наводил в этом шкафу порядок, но его там не было, я в этом был уверен.

Я был очень удивлен незнакомой вещью и достал плечики с этим незнакомым женским платьем. Оно было сшито из клетчатой серо-синей хлопчатобумажной ткани и было очень длинным. Скорее всего, это был какой-то рабочий халат, подумал я, глядя на его черные пуговицы, – такие обычно пришивали к рабочей одежде. У меня были две любимые рубашки с похожим рисунком, но одну я уже доносил до дыр и выкинул, а вторую носил только летом – она была из натуральных волокон, в ней мне было комфортно и холодной зи-

мой, и в жаркое лето. Мне сразу пришла мысль, что из этого платья могла получиться отличная домашняя рубашка: надо только ее немного переделать – укоротить и пришить карманы.

Отец подарил мне на свадьбу отличную швейную машину, на которой я постоянно что-то шил, – в прошлом году сшил целых пять летних рубашек, и очень довольный своей работой, проходил в них все лето. Сейчас у меня не было никакой швейной работы, – я пребывал в печали, так как любил что-нибудь сшить. Но то, что лежало на швейной машине с осени, я переделал за долгую зиму, а нового шитья у меня не было. Я, конечно, перештопал все шерстяные носки, и уже скучал без женской работы. И тут появилось это, появившееся ниоткуда, платье. Его было нетрудно перешить в рубашку, и я с увлечением взялся за дело.

Я смерил его со всех сторон, записал на листе бумаги все цифры, потом достал свою летнюю рубашку, тоже измерил, написал на этом же листе результаты. Потом вычислил, где были между платьем и рубашкой расхождения, и записал, – где надо было отрезать, а где, наоборот, пришить. Потом открыл тумбу, достал швейную машинку, и операция по переделке платья началась. Она продолжалась не очень долго – часа полтора. Львиную долю этого времени заняло изготовление карманов – как правило, чем меньше деталь, тем больше на нее уходит времени. Но машина шила хорошо, ниток самых разных у меня было много, а так как я в своей жизни

занимался шитьем много раз, то считал, что могу сшить все, что мне было надо. Это было моим полезным хобби, – вернее, одним из многих домашних дел, которыми я занимался с удовольствием.

Скоро я с рубашкой закончил – осталось только пришить пуговицы. Пришивать их я не любил, и оставил это занятие на следующее утро. В квартире было душно, и я проснулся – в спальне было жарко, а когда я отворил балкон и уснул, через час стало холодно, и я проснулся. Пришлось закрывать балкон, чтобы в очередной раз проснуться, на этот раз от жары и от духоты. В шесть утра я встал и решил, что больше не смогу заснуть – впереди был целый день, и надо было переделать кучу домашней работы, а потом поехать за город, в свой загородный дом. Но сначала надо было пришить пуговицы. Я достал большую коробку и стал в ней искать подходящие пуговицы. Это было увлекательное дело – их было в этой коробке из-под обуви, наверное, целый миллион, и, когда закончил выбирать подходящие, порядочно устал.

Петли на этом платье уже были, и пуговицы я пришил быстро – сказался мой большой опыт. Теперь можно было померять обнову. Я надел рубашку, застегнул пуговицы, подошел к зеркалу, но в нем ничего не отражалось – только ковер на стене и прикроватная тумбочка. Меня там не было, и я очень удивился этому обстоятельству, подошел к зеркалу поближе, провел по нему пальцем и был озадачен тем, что зеркало было на месте, а меня в нем не было: вот такая неле-

пость, – чудеса, да и только. Я снял новую рубашку, надел теплую куртку и пошел на балкон покурить, привести свои чувства в порядок.

Что-то мне мешало спокойно подышать никотином, – какое-то подозрение у меня появилось в голове, – я сразу бросил недокуренную сигарету и отправился разбираться с зеркалом и рубашкой. В зеркало я сразу заглянул, даже не снимая куртку – я отражался в зеркале так, как и должно быть. Но когда снова одел недавно сшитую рубашку, то в зеркале меня не было. Снял рубашку, снова появился. Надел ее снова – пропал. В зеркале отражалась снятая рубашка и я рядом, но как только я ее одевал, то немедленно пропадал – зеркало отказывалось показывать меня в этой рубашке. Кроме этого зеркала в квартире было зеркало в прихожей и в ванной комнате, но когда я посмотрел в эти зеркала, меня в них не было. Оказалось, что я сшил волшебную рубашку, в которой меня никто не мог увидеть, даже я сам.

Надо было эту мою мысль проверить на практике: выйти в сшитой рубашке в магазин на первом этаже и купить продуктов для второго завтрака. Я одел кроссовки, новую, только сшитую рубашку, сунул в карман кошелек, сигареты с зажигалкой, отворил дверь и тихо вышел на лестничную площадку. Мой сосед стоял перед дверью своей квартиры, доставал из сумки ключи. Когда я решил закрыть свою дверь и уже засунул в замочную скважину ключи, он обернулся, – услышал, как мой ключ проворачивался в скважине. Но для

него коридор был пуст, и он меня не увидел, хотя стоял в трех метрах от меня.

Спускаться на первый этаж на лифте я не рискнул, пошел через запасной выход – жильцы им практически не пользовались, ездили на лифте, и я в полном одиночестве дошел по лестнице до двери, нажал кнопку магнитного замка и вышел на улицу. По двору бегали дети – кто с автомобилем, кто с куклой, но меня они тоже не заметили. Было очень интересно быть невидимым, – но я был голоден, и решил поразмышлять на эту тему после обеда.

Магазин «Магнит» был на первом этаже нашего дома, – мне надо было выйти на улицу со двора, обогнуть дом, и оказаться перед входом. Я зашел в магазин, у входа в торговый зал, взял несколько пластиковых мешков и начал в них складывать свои покупки. Покупателей в магазине было мало, но несколько пожилых женщин с удивлением смотрели, как мимо них проплывают батон, пачка пельменей, несколько плиток шоколада и пачка халвы. После этого мне надо было благополучно покинуть с товарами торговый зал.

Я подошел к кассе, стараясь держать пакеты с продуктами пониже, у самого пола, чтобы кассир их не видел. Сигнализации на кассе не было, я благополучно миновал кассу и вышел к камерам хранения. Там стояла пластиковая корзинка, в которую положил свои покупки. Цены на них я знал хорошо, и когда в уме подсчитал стоимость продуктов, из кошелька достал двести рублей, подошел к кассе и засунул их

в отделение для мелочи. Теперь моя совесть была спокойна – я не хотел стать магазинным вором, хотя мне это было нетрудно сделать.

Покупки я засунул под рубашку и спокойно пошел по улице к двери. Достал из кармана жетон, открыл дверь и пошел к лифту. Уже в гостиной, после плотного и сытного обеда, я стал думать, что можно сделать полезного в жизни, обладая такой волшебной рубашкой. Но додумать множество пришедших в мою голову мыслей я не успел – уснул на диване.

Волшебные прививки

Лет восемь назад я подумал, что яблоням, которые посадил отец, уже лет по пятьдесят, и надо сохранить эти сорта. Они мне нравились, – давали большой урожай, и яблоки с них были очень вкусными. У меня было два выхода – заняться прививками, или посеять семечки от этих яблок, и я решил, что займусь обоими методами одновременно.

Семечки я весной посеял, целый стакан у теплицы, и потом занялся прививками. Последняя моя жена была профессионалом, работала в опытном хозяйстве, выращивала всеми возможными способами яблони, и в том числе, занималась прививками. Но с ней я давно развелся, и привлекать ее для помощи не хотел. В своей библиотеке я нашел несколько книжек про садоводство, прочитал, как привить яблоню. Это оказалось простым делом, но на практике все оказалось сложнее, чем я думал.

В один весенний солнечный день я решил привить черенки этих старых яблонь на дикие яблоньки, которые я выкопал осенью в лесу как раз для этой цели. Одна из лесных яблонь была уже большая, я спилил ее у самого корня, чтобы оставшийся ствол расщепить топором и засунуть в этот расщеп несколько черенков от яблонь. Черенки я тут же нарезал с обеих яблонь, сделал на их концах ровный и гладкий надрез. Засунул их в расщеп, замазал пенек краской и стал

ждать результата.

Через неделю под ярким теплым весенним солнцем почки стали набухать, и вскоре из них вылезли маленькие ярко-зелёные листики. Они радовались солнечному весеннему дню и быстро росли, потому что корневая система у спиленной яблони была хорошей, и даже сок проникал сквозь не замозаные на корне щели. Я каждое утро приходил и любовался этими листочками. Через неделю они были уже большими, но почему-то стали сохнуть, и наконец, все засохли. Мне было жалко, но я ободрял себя, что следующей весной привью больше черенков, и тогда у меня будет целый яблонеый сад. Сходил в лес, выкопал с десятков метровых лесных яблонь, и посадил около уже больших лесных яблонь, которые посадил очень давно. Они были уже высокими, на них были каждый год мелкие яблочки, которые зимой любили поклевать снегири.

Прошла зима, я решил повторить свои опыты, – на лесные молодые яблони, которые пережили зиму, привил черенки и стал наблюдать, что из этого выйдет. Как обычно, все засохло, и мне стало казаться, что я что-то делаю не так. Потом походил вокруг груши и яблонь и заметил робкие побеги, – это взошли семечки от упавших прошлым летом яблок и груш, которые ждали, когда я их пересажу на солнечное место.

Между грушей и яблонями было метров десять, и каждой будущей груше или яблоне досталось солнечное место.

Между этими молодыми побегами было метра полтора, но я и не рассчитывал, что все они выживут, а если вырастут все, то им придется бороться за место под солнцем, расти быстрее и выше. Когда эта работа закончилась, я стал наблюдать, что и как растет. Черенки, которые я привил, все засохли. Но я не унывал, и на следующую весну продолжил прививки, но уже по привычке.

Прошло несколько лет. Каждой весной я прививал по привычке, несколько черенков на высокие и взрослые лесные яблони, и смотрел, как они потом летом засыхали. В том году один черенок, к моему большому удивлению прижился и я понял, что все делал правильно.

На яблоневиной аллее уже росло несколько груш и яблонь, которые еще не цвели. Одна яблоня выросла вместе с грушами и оказалась с двумя высокими, около двух метров стволами. Яблоня, у которой я спилил второй ствол, выросла, и теперь была высотой больше метра. Я надеюсь, что они в этом году зацветут, и я узнаю, что за сорт получился.

Два года назад я пересадил на грядку, на которой росли кабачки две саженца, – один, по-моему, должен стать потом грушей, а второй даже не знаю чем – он напоминал яблоню, но у меня были сомнения, что это на самом деле. Надо было подождать, когда появятся цветы, а лучше плоды, и тогда я узнаю, что это на самом деле выросло.

Весна была странной: то было жарко, как в Африке, то наступали холода, как в Антарктиде. К этому ни один ува-

жающий себя садовод никак не мог привыкнуть. Наконец, наступило лето: начался июнь, на градуснике установилось летнее тепло – двадцать градусов выше нуля. Можно было без ватника выйти в огород и посмотреть, что в нем выросло, а что замерзло. Я сразу отправился к саженцам, поздороваться с ними и узнать, когда у них появятся цветы.

Цветы у обоих появились, но какие-то необычные: такие я видел только в Африке, – у одного саженца они были лиловые, а у другого оранжевые, и обоих они были огромные для яблони и груши. Кроме того, их было мало – на одном было всего два, а на другом три. Пахли они на всю округу: аромат был такой, что у меня кружилась голова и в голову лезли странные мысли, – о женщинах и космосе. Странное сочетание для мыслей. Я ходил взад-вперед по садовой дорожке и решил закурить сигарету, чтобы привести свои мысли в порядок. Достал из пачки сигарету, но моя зажигалка никак не могла добыть для меня огонь. Я покрутил у ней колесико, но все было без толку. В конце концов, я плюнул на это занятие и пошел во двор, – за другой. А поглядеть на необычные цветы решил вечером, или завтра утром, когда они станут побольше.

Настало утро. Мне полночи снились девушки, и я, поэтому встал озабоченный и грустный. Но после умывания холодной водой и зарядки, а затем завтрака, я пришел в норму и пошел в огород посмотреть на необычные цветы. Они стали еще больше и раскрылись. Среди оранжевых лепестков

были видны маленькие фигуры. Присмотревшись к одной, я понял, что у меня выросли две хорошеньких феи. Они смотрели на меня и улыбались. Но улететь они еще не могли, – у них крылышки были такие маленькие, что казалось, их нет совсем. Но я то знал, что у фей обязательно должны быть крылышки, просто у этих двух они еще не выросли.

На лиловых цветках, как я и ожидал, стояли три эльфа. Они были тоже симпатичные ребята и были вооружены луками и маленькими мечами. У них тоже были чересчур маленькие крылья, чтобы летать, но они на это не обращали внимания. А на фей они смотрели часто, и я понял, что скоро они будут дружить. Один из эльфов выглядел старше, чем двое и я понял, что это их начальник. Я перезнакомился со всеми феями и эльфами и оставил их, – мне надо было сделать кое-какую работу дома.

Вечером маленькие создания уже летали и осматривали свои владения. Предводитель маленькой колонии сказал мне, что они создадут у меня в огороде свое королевство и будут здесь жить, сделают себе маленькие дома и будут охранять мой огород и все, что здесь находится – ягоды, яблони и кабачки с огурцами. Я был этому рад и сказал, что как только наступят холода, я им сделаю в доме маленькие домики и будем зимовать вместе. Только я их предупредил, что я только человек, и могу неожиданно умереть. Король сказал, чтобы я не волновался, – я буду жить вечно, а когда мне надоест, он превратит меня в эльфа и сделает из меня

премьер-министра королевства.

Мы стали дружно вместе жить, феи скоро родили малышей, которые порхали по всему огороду и весело проводили время. Кошки и мыши забыли дорогу в огород, а воробьи скоро подружились с эльфами и феями. Когда настала осень, они переселились в дом, где я уже подготовил для них маленькие домики, которые установил на шкафу в комнате, где никто не жил. Одна из новорожденных фей росла быстрее остальных и скоро превратилась в молодую девушку, которая не входила в маленькие домики, и я сначала поселил ее на диван в гостиной, а когда она еще подросла, она переселилась в мою комнату.

В доме стало как-то веселей жить. Мы всем королевством смотрели телевизор, читали книги и готовили еду. Потом, когда они увидели на одном кресле мой баян, сразу его починили и иногда я играл им какую-то мелодию, а они кружились в воздухе, – танцевали. Я отдал им весь запас пряжи и научил вязать. Так, незаметно, прошла половина зимы и они стали готовиться к встрече весны. Жизнь продолжалась.

ГНОМ

Тетрадь, в которую я записывал места, в которых можно было найти кристаллы горного хрусталя, яшму и просто красивые камни, уже не могла вместить новое перспективную точку – она была вся исписана, от корки до корки. Я вертел ее в руках и думал, куда бы мне съездить в предстоящие выходные, – развеяться, отдохнуть от домашней работы, пройтись по осе ему лесу и найти несколько красивых кристаллов.

В принципе, я и так знал, без этой тетради, куда поехать: в одном из геологических маршрутов я проходил мимо заброшенной старой выработки, на отвалах которой было много морионов и кристаллов полевого шпата. Это означало только одно – здесь, когда-то нашли занорыш с кристаллами, и мне там стоило покопаться, чтобы набрать морионов, а если повезет, то аметистов и топазов. А уж если мне повезет по-крупному, то найти еще занорыш, – рядом.

Вечером я засунул в рюкзак котелок, саперную лопату, геологический молоток и титановое зубило. Утром зашел в магазин, купил банку тушёнки, банку с кашей и пачку чая. Остальное – ложка, кружка, сахар и соль оставались в рюкзаке, после последней моей вылазки на природу. Тогда я ходил за рубинами, которые теперь красовались на моей книжной полке, радовали меня, когда подходил к ней за очередной книжкой, чтобы прочитать пару фантастических рассказов

перед сном.

Старая заброшенная копь была рядом с остановкой электропоезда. Я прошел несколько сотен метров и оказался на месте. Все было на месте – глубокая, осыпавшая ямы и отвалы, где собирал морионы. Тогда в эту глубокую яму я не спускался – на мне был радиометр, и снимать мне его было лень. Теперь надо было посмотреть, что твориться на дне, а отвалы можно было перекопать потом. Стенки ямы были крутые, и кое-где была заметна уцелевшая крепь. Спуститься в нее было трудно – требовалась веревка, или лестница. У меня не было ни того, ни второго, но я просто прошел по лесу, отыскал ствол упавшей сосны с сучками и опустил его на дно. Теперь все было готово к спуску.

С молотком в кармане и саперной лопаткой я слез по стволу и встал на дно копи. В одной из стенок был наполовину засыпанный штрек с крепью. Крепь на вид была еще крепкая, и когда я засунул в штрек голову, то увидел, что он не очень длинный – всего несколько метров, и можно посмотреть его забой, осветив его зажигалкой, не поднимаясь на поверхность, где остался лежать мой рюкзак с фонариком.

Лопатой немного почистил вход и пролез в него. Стенки штрека были закрыты жердями, чтобы порода не осыпалась на дно, и я осторожно прошел к забою, около которого лежало маленькое кайло – наверное, кто-то забыл его, очень давно. Но оно было какой-то маленькое, и напоминало размерами мой молоток, который торчал из моего кармана. Это

было странно, как будто оно было игрушечное. Использовать его мог только маленький ребенок, карлик, или гном. Гномы, по моему мнению, существовали только в сказках, а ребенок просто бы сюда не полез, без взрослых. Карликов, любителей кристаллов, встретить в жизни было еще труднее, чем гномов.

Ну, ладно. Я взял в руку этот детский инструмент и положил его сзади, чтобы он мне не мешал, пока я буду смотреть, что копали в забое этого штрека. Молотком почистил то тут и там, обнаружил крутопадающую пегматитовую жилу. Ее надо было немного разоб- рать молотком, чтобы узнать, что в ней находится, и если она рас- ширяется, то покопать, в надежде найти кварцевое ядро, или по старому, занорыш с кристаллами.

Работа моя продолжалась недолго, потому что вдруг, из какой-то щели появилась сначала шляпа, а потом вылез настоящий гном. Я так и сел, потому что в существование гномов не верил, считал их персонажами старых сказок, в которых про них было написано, что они копают руду, а не драгоценные камни. Не веря своим глазам, я сидел на дне штрека, и моему удивлению не было конца и края.

Гном был ростом сантиметров тридцать, морщинистым и грязным. Визгливым своим голосом он спросил у меня, где его инструмент. Я пошарил рукой, нащупал маленькое кайло и протянул его владельцу, а потом стал извиняться, что залез в его заброшенный шурф. Он тоже сел, достал из карма-

на трубку и закурил. Я молчал от удивления, потом немного пришел в себя, тоже достал сигарету и закурил.

Мы сидели напротив друг друга – я, геолог, и сказочный персонаж, который тоже рыл горную породу и добывал руду. Я спросил, наконец, что он забыл в этом шурфе, так как всем было известно, что гномы копали руду, а не драгоценные камни. Оказалось, что помимо основной работы – копать руду, у него было хобби – поиск и добыча самоцветов и красивых кристаллов. Это был конкурент для меня, но я с этим был готов смириться – он начал работать здесь раньше меня, и мог запросто попросить меня удалиться. Но он не стал прогонять меня, а наоборот, принял меня как партнера и помощника.

И когда он стал махать после перекура своим маленьким кайлом, я стал ему помогать – откидывать породу, которая так и сыпалась под его ударами. Через несколько минут нашей совместной работы пегматитовая жила закончилась большим, в несколько метров длиной, занорышем. Гном залез в него, посветил откуда-то взятым фонарем, и я увидел большие, до полуметра высотой кристаллы горного хрусталя, мориона, аметиста и зеленого цвета призмы – это были бериллы и изумруды. Кристаллы росли от стенок, дна этой маленькой пещеры – занорыша, и свисали с ее потолка.

Было очень красиво. Кристаллы сверкали под светом фонаря голубым, зеленым и оранжевым цветом. Мне казалось, что эта красота мне снится, но это был не сон, а явь, потому

что я стал щипать себя, и это оказалось очень больно.

Мне было трудно пролезть в этот занорыш, я мог только любоваться этими кристаллами издали. Но гном оказался очень трудолюбивым и практичным существом. Он быстро навел в этом хрустальном погребке порядок – под его ударами кристаллы падали, а он их подавал мне. Я их складывал на дно штрека, и когда понял, что их стало много, стал таскать на дно ямы, под ствол сосны, по которому я спустился. Куча разноцветных кристаллов росла на глазах, и когда гном закончил свою работу, он вылез, посмотрел на добытые им кристаллы и предложил мне их поделить пополам.

Свою долю он складывал около щели, через которую он вылез, а я около сосны. Вскоре образовалось две кучи, примерно одинаковые по высоте. В них было поровну изумрудов, аметистов, морионов и бериллов. Никому не было обидно, ни гному, ни мне – все было поделено гномом справедливо.

Я вытер пот со лба, сел, достал пачку сигарет и протянул ее гному. Он взял одну сигарету, спрятал ее в карман, затем достал трубку, кисет и трут с огнивом. Но ему не удалось добыть огонь таким старым проверенным способом – я крутанул колесико зажигалки и дал ему прикурить. Мы курили, молчали, и иногда смотрели на кучу добытых кристаллов – он на свою кучу, а я на свою.

Потом мы попрощались, пожали друг другу руки, и разошлись. Я поднялся по стволу сосны за рюкзаком, спустился

на дно, и начал складывать кристаллы в рюкзак, перекладывая их газетами, которые всегда ношу с собой, – чтобы не поцарапать и не разбить хрупкие минералы. Мне пришлось раза три подняться с рюкзаком, полным кристаллами, на поверхность.

Как утащил свою кучу гном, я не знаю, – я не смотрел в штрек. Но свою кучу я кристаллов я поместил в рюкзак и большую сумку. С этим рюкзаком я всегда ходил в геологические маршруты, путешествовал и ходил за камнями. Его мне выдали на работе, когда я устроился в одну экспедицию геологом, Он был очень вместительным, туда могла поместиться маленькая ростом девушка. Но девушек я в нем не таскал – только камни и пробы. Сейчас он был набит драгоценными кристаллами под завязку, но я за него не боялся – он был очень крепким.

Когда я поднял рюкзак до пояса, понял, что смогу его взвалить на плечи, а это было самое главное. Чтобы мне хватило сил дотащить его до дома, я пообедал: съел банку тушенки, и запил ее сладким чаем. Сил у меня сразу прибавилось. Я взвалил драгоценную ношу на плечи, взял в руки сумку и пошел на станцию. Поездка за минералами удалась на славу, благодаря знакомству с гномом. Побольше бы таких знакомых, трудолюбивых и честных.

Дворянский пруд

Зарядка в армии была обязательна. За два года я так привык к утренней пробежке, что, приехав домой, вставал в шесть часов, как в армии, одевал кеды и полчаса бегал по лесу. Иногда я брал на утреннюю пробежку своего младшего брата и он бегал со мною. Но это, конечно, было не то. В армии наш взвод из тридцати человек, бежал, громыхая сапогами сначала по улицам нашего городка, потом по плацу и заканчивал пробежку около дворянского пруда. Сержант командовал «стой, вольно, разойдись», и все расходились, чтобы отлить.

Это все происходило в учебке. Нас, ребят из Вологды, Ленинграда, Сибири, Урала и Украины собрали по всей стране и приучали к армейской жизни два месяца. Все было, как в школе, только жестче, без всяких там наук и экзаменов. Все мы понимали, куда попали и наказание было одно – штрафбат, гауптвахта или наряд вне очереди. Но из нашего учебного взвода никто даже не получил наряд вне очереди. Самое страшное было неисполнение приказа. За это наказывали сразу и после наказания, которое было суровым, никто даже не думал, чтобы послушаться приказа. Это мне нравилось, да и всем, наверное тоже.

После армии и горного института я был начальником отряда и за все годы, которые я провел в геологии никто из мо-

их подчиненных рабочих и инженеров меня не слушался. Там, в тайге, степи или горах меня слушались и выполняли мои требования, как в армии. Я устанавливал правила, а те, кто с ними был не согласен, проваливал на все четыре стороны. Но куда пойдешь в глухой тайге или в горах, или в бескрайней степи? Поэтому в отряде была дисциплина и никто не пытался ее нарушить. Но я не лез в личные дела рабочих и меня все, от водителя до поварахи уважали и слушались.

После учебки нас, весь взвод, направили в отдельную часть, где мы провели оставшиеся до дембеля месяцы. Гоняли нас там каждый день – зарядка, кросс по несколько километров, потом тактика, строевая, самбо и так далее. Те ребята, которые были толстыми или с лишним весом, домой уезжали стройные, накачанные спортсмены. Мне повезло – я занимался спортом до армии и переносил физические нагрузки без особенного усилия. Меня даже укоряли – что это, мол, бежишь в противогазе впереди всех. Но стекла запотели и я кроме дороги, да приказов командира взвода не видел и не слышал.

Летом мы плавали в дворянском пруду, где был открытый бассейн на пятьдесят метров. Нам надо было эти метры проплыть в одежде, с амуницией и с автоматом. Даже мне, любителю поплавать на гражданке, эти пятьдесят метров давались с трудом. В этом бассейне была десятиметровая вышка, с которой мне пришлось прыгнуть – по приказу. Оказалось, что этот небольшой по размеру пруд, на противоположном

берегу которого стояла дворянская усадьба, был таким глубоким, что я даже прыгая с вышки, не мог достать дна.

За учебой, службой и тревогами незаметно прошло полтора года службы. Осталось какие-то полгода и домой. В личное время после обеда, или после ужина можно было сходить к землякам или не спеша прогуляться вдоль пруда, а не бегать в противогазе на тактике. И я как-то раз решил перед отбоем поплавать в пруду. Сказал об этом командиру взвода, и он меня отпустил на час с небольшим: – на вечерней поверке я должен быть в строю, как штык.

Я взял с собою плавки, очки, полотенце и отправился. От казармы до пруда было километр и его я пробежал – жалко было времени и не надо было отдавать честь офицерам, которые шли по тротуару. Я бежал по шоссе, по которому иногда проезжала машина с солдатами и изо всех сил изображал из себя спортсмена. Пробежал гауптвахту, плац и забежал в лес. В нем была лесная дорога, по которой мы бегали на тактике, но сейчас в нем, кроме комаров, никого не было. Бежать дальше не было необходимости и я перешел на шаг. Через несколько минут я оказался на берегу пруда. Солнце уже клонилось к закату и еле выглядывало из-за кромки леса. Было тихо, ни единой души на пруду не было. Так же торчала вышка у бассейна и стояли многочисленные скамейки для зрителей а на противоположном берегу стояла усадьба.

Быстро разделся, надел плавки, очки и вошел в теплую воду. До противоположного берега с дворянской усадьбой бы-

ло каких-то сто пятьдесят метров. Там кончалась территория нашей воинской части и весь берег был огорожен колючей проволокой. Доплыв до нее, я поплыл вдоль берега, осматривая берега пруда. Он был недлинный – каких-то метров четыреста. Когда показалась дамба, я повернул назад и поплыл вдоль берега. На нем не было колючки – это была наша территория.

На прощанье я решил нырнуть с вышки и покончив с вечерним купанием. Было еще светло, и я быстро забрался на вышку. Походив по площадке, я вспомнил, как первый раз с нее прыгнул:– наша рота сдавала нормы ВСК и надо было проплыть пятьдесят метров в полном обмундировании, одетыми, с амуницией и с автоматами. Боевое оружие нам не хотелось мочить в воде, и мы плавали с муляжами – деревянными автоматами, обитыми железом для веса. Они были такими же тяжелыми, как и настоящие.

Это было нелегко, и когда я приплыл к тумбочке, устал, как собака. А что чувствовали солдаты, которые не умели плавать, я только догадывался. Сидел и отдыхал на скамейке, наблюдал, как какой-то офицер, знакомый моему командиру, залез на вышку и расхаживал там, набираясь мужества, чтобы с ней прыгнуть. Наш командир тоже наблюдал за ним, и когда ему надоело ждать, когда он прыгнет, сказал, что мои солдаты покажут, как это надо сделать. Он оглядел нас, выбрал меня и приказал показать, как надо прыгать.

Пришлось залезть на вышку и прыгнуть. В первый раз

было страшно лететь целых десять метров, несмотря на то, что я прыгал в детстве с пятиметрового трамплина у себя в карьере. Но там все было исплавало нами вдоль и поперек, и глубину я знал – четыре метра, а тут был пруд, которого я не знал. Но все обошлось, я вынырнул сразу, как только погрузился в воду, так как у меня не было уверенности в глубине пруда. Потом за мной начали прыгать все, кому не лень, но в основном прыгали солдатиками. Мне стало интересно, какая тут глубина, и я прыгнул с тумбы. Проплыл вниз на четыре метра, а потом еще метра три лез по свае, на которой держался причал с тумбами. Но так и не достиг дна, – он оказался очень глубокий, этот старый, дворянский пруд.

Теперь мне не страшно было прыгать с этой вышки. Я пролетел в вечерней прохладе десять метров и не стал сразу выныривать. Под водой было темно, а вдали и в глубине светились какие-то огни. Я поплыл к ним, чтобы узнать, что это. Метров через пятнадцать мне открылась удивительная картина: на дне стоял такой же, как и на поверхности особняк, и в нем была гулянка. Сквозь окна мне был виден большой стол, уставленный разными блюдами, бутылками, а за ним сидели благородные дамы со своими кавалерами. Звучала тихая музыка, по моему, какой-то менуэт, или вальс.

Часть кавалеров, одетых как дворяне прошлого века, поднялись со своих кресел, медленно подошли к дамам и скоро в зале начались танцы. Только тогда я заметил, что у дам, одетых в бальные платья, вместо ног были хвосты, как у рыб,

а у кавалеров вместо рук были плавники. Это был пир водяных и русалок. Воздух в моих легких кончился и я поплыл к поверхности. Вынырнул, отдышался и поплыл к берегу. Стало темно, над прудом появился легкий туман и я вспомнил, что мне надо успеть к вечерней проверке.

Ничего на поверхности не указывало. что там, на глубине, идет своя жизнь – живут водяные и русалки, которые устроили себе пир и танцы.

Я вытерся полотенцем, надел трусы, замотал мокрые плавки в полотенце и побежал к казарме. Успел как раз к вечерней проверке. Командир спросил, как я поплавал, и я ответил, что отлично. О водяных и русалках я не стал ему говорить – это было моей тайной, которую я хранил долгие годы, прошедшие после службы в армии.

Деревенский алхимик

Сейчас я даже и не слышу про алхимию, – как-то все про нее забыли, с интернетом, новыми технологиями, сотовой связью и международной жизнью. Но когда я был молодым, этой науке отводилось большое внимание, – часто вспоминали алхимиков, которые безуспешно старались изготовить из ничего, или превратить в золото разные металлы, – с помощью философского камня, а также пытались создать эликсир бессмертия. Но, как я помню, никто из них так и не преуспел в таком важном деле, философский камень и эликсир бессмертия так и не изобрели.

Но зато алхимики способствовали развитию химии, и постоянно что-то изобретали, создавали и открывали полезные для людей новые химические соединения и вещества. В двадцатом веке ученые смогли получить золото из другого металла – свинца, и философский камень уже никому не был нужен, кроме, наверное, меня и моего соседа, деда Никанора. А про эликсир бессмертия все просто забыли, кроме деда Никанора.

Он был давно на пенсии, и все свое время проводил на своем приусадебном участке, – выращивал огурцы и помидоры, поливал грядки и боролся с сорняками, а по вечерам смотрел телевизор. Особенно он любил смотреть фантастические триллеры и боевики, в которых персонажи изоб-

ретали вечный двигатель, машину времени и превращали какую-то ненужную ерунду в благородные металлы.

Я иногда любил почесать с ним языком через наш общий забор: мы обсуждали все темы подряд – от жизни на далеких планетах до развития науки и техники. Он сокрушался, что стал стар и не увидит воочию пришельцев и нашествия роботов с территории недружественных стран. У него был смартфон, и он любил лазить по интернету, выискивая там способы продления жизни. Я как-то в шутку посоветовал ему заняться алхимией, – поиском философского камня и найти рецепт эликсира молодости. Тогда я не думал, что мои шуточные слова дадут такой неожиданный эффект. Дед Никанор интенсивно начал поиски философского камня и эликсира молодости сначала в интернете, а потом в реальной жизни.

В один летний теплый вечер, когда я поливал свои грядки, он спросил у меня, сохранился ли у меня учебник по химии. Школьных учебников у меня давно не было, но у меня была старинная книга по химии – я бы сказал, это была настольная книга для молодых алхимиков. Она называлась «Техника и методика химического эксперимента», в ней было все разложено по полочкам простым, понятным даже детям, языком. В ней, кстати, была глава о превращениях химических элементов, но большую часть ее составляли описания реактивов, химические приборы и материалы, применяемых в лабораториях. В этом труде было два тома, – второй том, в котором была изложена методика получения фи-

лософского камня и эликсира молодости, был только в Византийской библиотеке.

Но и этого тома хватило для моего бесценного подарка деду Никанору. Он взял тяжелый, в кожаном переплете, том, и руки у него от волнения тряслись. Я для него стал полубогом, после такого подарка. Теперь у него до самого рассвета горела лампа и грядки с луком и редиской отошли на второй план.

Когда мне совершенно попала в руки эта книга, то меня поразило тогда то, как она была написана. В ней все было изложено очень просто – для работы можно было обойтись без современного оборудования, а использовать для химических опытов простые предметы из домашнего хозяйства. И дед Никанор воспользовался этой книгой на сто процентов, а может и больше, так как я его перестал видеть в огороде этим летом, а когда прошла осень и зима, он появился в своем огороде, и я его сначала даже не узнал. Землю под грядки и под картошку копал молодой плечистый мужик, у которого, правда, была совсем белая от седины голова. Он меня окликнул, назвал по имени, и я подошел ближе, чтобы узнать, кто это человек, и откуда он меня знает.

Оказалось, что это был дед Никанор, только помолодевший на несколько десятков лет. Он протянул мне книгу, – мой подарок и сказал, что она ему очень помогла: он изготовил для себя эликсир долголетия и результат его применения превзошел все его ожидания. В награду за такой мой бесцен-

ный и своевременный подарок, он готов был поделиться секретом получения золота из металлов, которых можно найти где угодно, даже на кухне. В доказательство он вынул из кармана золотую ложку и протянул ее мне.

В том, что она была изготовлена из золота, мне даже сомневаться не пришлось – она была очень тяжелая и, несомненно, была золотой. Дед Никанор сказал мне, что золото ему ни к чему, – а секрет его получения, если он мне был нужен, он расскажет только мне, в награду. Я, конечно, не стал отказываться от такого подарка, и зашел к нему в гости.

Дома у него был обычный для деревни – сени, чулан, кухня и пара маленьких комнат. Но он провел меня в сарай и в нем я увидел настоящую химическую лабораторию, только большинство химической посуды были взяты из кухни – вместо пробирок и колб были стеклянные банки, вытяжной шкаф был сделан из тепличных блоков, а перегонный куб был самодельным. Химических приборов я тоже не увидел – их заменяли простые предметы – керосинка, утюги, паяльные лампы и прочие безобидные вещи. Под стропилами висели многочисленные мешки с травами, а в углу стоял металлический ящик. Сначала я подумал, что он с ржавым металлоломом, но оказалось, что ржавый металл и изделия из него были только сверху – под ними были такие же металлические предметы, только желтого цвета, – они были из чистого золота.

Мы с дедом Никанором провели несколько часов в его де-

ревенской лаборатории, и я ушел домой с полным рюкзаком золотых консервных банок, гвоздей и лопат. Дед Никанор превратил ржавое железо в золото и поделился со мною этим секретом. У меня кружилась голова, и я пришел в себя только утром, когда встал с постели и обнаружил у себя на кухне рюкзак с золотом. До этого я считал, что мне приснился очередной чудесный сон.

Но все оказалось настоящим: – золотые гвозди, консервные банки из золота и молодой седой парень по имени дед Никанор.

Джинн

Все полевые цветы раньше стояли у меня на столе в разных бутылках, таких красивых и с невероятными формами: из-под коньяка, водки, пива и вина. Раньше, в эпоху социализма, их было мало, и я буквально охотился за каждой красивой бутылкой. Сейчас, когда их стало много, разных по формам, цвету и объему, интерес у меня к ним постепенно угас, но не совсем, так как цветы я по прежнему ставлю на стол в гостиной, и в первую очередь пионы и хризантемы, которые цветут летом в палисаднике, а зимой, в канун Нового года ставлю в бутылку побольше ветки от елки или от сосны. Они там стоят недолго, так как я не люблю убирать после них иглы, которые уже через неделю падают.

Так как все бутылки стеклянные, то они иногда разбиваются, и я ищу новые – где придется – на улице, на дороге, в общем, в разных местах. Обычные бутылки мне не надо – из-под пива, водки и так далее, – мне нужны цветные: из-под вина или коньяка. Очень интересные экземпляры попадались мне в путешествиях, но загромождать ими свой маленький рюкзак я не хотел, он и так был полный еды, моих малочисленных вещей, которые я брал с собой в дорогу. Тем, кто хоть раз ездил по стране целый месяц, поймет, как важно брать с собой те вещи, которые нужны в дороге. Так что я только облизывался на красивые бутылки, которые мне по-

падались в путешествиях и проходил мимо.

Но однажды, когда я, проходя мимо известнякового массива на юге и обнаружив около дороги вход в какое-то подземелье, с полусгнившей крепью, я решил заглянуть в него и обнаружил среди трещин известняка металлическую бутылку с пробкой. Дальше по этому подземному ходу я не решился идти, забрал находку и выскочил на дорогу. После того, как я благополучно покинул подземный ход, за мной слышался треск, и что-то ухнуло за моей спиной. Я оглянулся и понял, что подземный ход обрушился через полминуты, как я его покинул, – крепь, простоявшая не одну сотню лет, не выдержала и рухнула.

Я немедленно поздравил себя за чудесное спасение и присел на обочине дороги, чтобы передохнуть, перекурить и осмотреть свою находку. Бутылка оказалась из какого-то серебристого сплава, размером как обычная банка из пива, и вдобавок запаянная. Вес у нее был небольшой, и она требовала чистки. Кроме всего, на ней были выдавлен какой-то сложный орнамент. Находка была интересной, и я засунул ее в рюкзак, чтобы дома ее почистить и разобраться, что у нее внутри.

Путешествие продолжалось. Я за оставшиеся две недели объехал множество южных городов и когда устал от них, решил, что пора и домой – отдохнуть, заняться домашними делами и просто выспаться. Про бутылку в моем рюкзаке я уже забыл и обнаружил ее только дома, когда стал разбираться,

что я привез из путешествия, а что потерял. Привез я много разных вкусных вещей, которые не успел съесть, но ничего, к моему счастью, не потерял. На дне рюкзака лежала металлическая бутылка, про которую я почти забыл. Ее надо было почистить и поставить на полку в гостиной, где стояли мои трофеи после путешествий. Этим я и занялся, сразу: – вышел в огород, нашел металлическую мочалку, чистящее средство и принялся за привычное для меня дело, от которого я уже отвык, – чистить свои котелки после походов в лес.

Бутылка сдалась от применения простой тряпочки, чистящего средства, и работа шла успешно: я не спеша очистил сложный орнамент и удивился сложному его узору. Кроме орнамента на бутылке была арабская вязь, которую я не смог прочесть, но зато хорошенько очистил, – на случай, если фотографию ее выложу в интернете и смогу прочесть перевод. То, что бутылке была запаяна, меня не трогало ни капельки – она была настолько легкая, что вряд ли в ней было что-то, типа вина, водки и пива.

Очистка моей находки помогла мне успокоиться после переживаний, связанных с моим путешествием и я просто сидел в своем саду и любовался своей находкой, место которой я уже присмотрел на одной книжной полке. На ней уже стоял подсвечник, колокол, стакан из меди и теперь, после как ним добавиться бутылка, у меня будет целая коллекция из предметов старины. Про то, что поначалу я хотел в не засунуть полевые цветы, я как-то забыл, и вспомнил только на следу-

ющий год, когда расцвели пионы и сирень с черемухой. Их надо было куда-то поставить, но ваз не хватало, и мой взор упал на запаянную бутылку. Конечно, для пионов она была слишком мала, но для нескольких веточек сирени была как раз. Для этого надо было расконсервировать ее или сделать в пробке отверстие.

Я нашел в мастерской отцовский паяльник – у него было огромное медное жало: – им он запаивал что-то массивное, и эту пробку он был готов распаять за долю секунды. Сунул провод в розетку и когда он согрелся, стал греть пробку. Она была тоже из латуни, правда припой был не такой, так сейчас применяется, и я с трудом справился с этой пробкой. Она, в конце концов, выскочила, и я выключил паяльник. Мне показалось, что этот монстр израсходовал столько электроэнергии, которую я тратил в месяц, и подошел к счётчику, чтобы узнать, сколько он намотал, пока я распаивал пробку. Получилось многовато, и я пожалел, что просто не отпил пробку пилой по металлу. Ну да ладно, и я пошел обратно в кухню.

На кухне, на моем месте сидела черноволосая красавица – похожая на актрису из мультфильма про Алладина. Я сказал «О!» и удивился. А эта красавица сидела и оглядывала меня, кухню и сад за окном. «Откуда ты взялась?», спросил я и когда увидел пробку и паяльник, у меня замерло сердце, – я моментально все понял: это был такой джинн, которого я освободил своим паяльником.

«Догадка твоя была верной» – об этом мне сказала восточная красавица, уставилась на меня, и добавила, что в этой бутылке просидела черт знает сколько времени и соскучилась по общению. Я тотчас спросил у нее, кто ее туда поместил и когда. Оказалось, что она, в самом деле, была настоящим джинн, только женского рода и ее дом и есть эта бутылка, на которой было написано на арабском, что здесь находится счастье для одинокого мужчины. А засунул ее туда один мудрец и чародей, который стал настолько старый, что уже готовился перебраться в рай, но перед этим позаботился, чтобы она никому не досталась. Она ведь была бессмертной и могла все, что желал ее повелитель. А сейчас ее повелитель, это я.

Мне было трудно поверить в то, что я стал повелителем такой красавицы, но через некоторое время в этом убедился, когда она прошла по всему моему дому и осмотрелась. Не теряя времени даром, она принялась за дело: приказала утюгу, чтобы он мне перегладил кучу простынь, пылесос заставила покончить с моей пылью, а плите – готовить мне обед. Через секунду все в доме пришло в движение, – утюг сам гладил, пылесос мотался по всем коврам и высасывал из них пыль, на плите стояло несколько кастрюль и из них доносились вкусные запахи, а откуда-то взялась кисточка и начала красить все, что придётся. Короче, дома был хаос, и я сбежал оттуда. С сигаретой я уселся в огороде и ждал, когда все кончится, и когда окно открылось, красавица мне сообще-

ла, что все готово и надо приступить к обеду, а затем к послеобеденному сну.

Дома все было чисто и прибрано, – как никогда. На столе меня ждал такой роскошный обед, что я, прикинув свои силы, подумал, что если я все съем, то лопну. И вообще дома было как в больничной палате – ни одной пылинки, и все было прибрано и покрашено. Моя восточная красавица угадывала все мои желания, и тут же исполняла. При этом она обращалась ко мне «О, повелитель!», и это, в конце концов, мне надоело. Я узнал, что ее зовут Диана, сказал свое имя и попросил, чтобы она называла по имени, а повелитель оставила себе на память.

После обеда я прилег на кровать и позвал Диану, чтобы она мне рассказала сказку, спела что-нибудь и так далее. Все окончилось совместным сном, и я встал только утром, отдохнувший и полный сил. Долго лежал в кровати и думал, что все это мне приснилось и надо вставать, умыться и заняться обычными домашними делами. Проходя через гостиную, я вспомнил о пионах, черемухе и сирени и пожалел, что вчера их не нарвал и не поставил в вазы и бутылки, а почему-то уснул.

Но цветы стояли в вазах, кувшинах и бутылках. Они так пахли, что я моментально пришел в себя и вспомнил вчерашнее. Очень хороший сон мне приснился, но это был только сон...

На кухне меня уже ждал завтрак, а новая моя жена сидела

и ждала, когда, наконец, я приду. Вот оно счастье, сидя перед тарелкой каши, думал я и смотрел то в огород, то на Диану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.